

Отзыв
официального оппонента доктора исторических наук, доцента
Редина Дмитрия Алексеевича на диссертацию
Дмитриева Андрея Владимировича
«Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.)»,
представленную на соискание ученой степени доктора
исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история в
диссертационный совет Д 003.030.01, созданный при ФБГУН
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Предпринятое А. В. Дмитриевым диссертационное исследование, посвящено теме, несомненно актуальной в научном отношении. По большому счету, оно выполнено не просто в русле истории вооруженных сил (как может показаться по названию), а в более широком проблемном поле, и направлено на решение одной из фундаментальных проблем гуманитарного знания: изучение социальных процессов в пространственно-временном контексте. Сам автор неоднократно подчеркивает эту направленность своей работы и недвусмысленно формулирует её в качестве цели исследования: «На основе изучения процесса строительства русской регулярной армии в Сибири... установить, какое положение занимала армия в *системе политических и социальных институтов Российской империи* в рамках данного региона, определить её роль в *развитии структур Российской государственности* (здесь и далее выделено мной. – *D. P.*) в Сибири...» (с. 33). Если учесть, что вооруженные силы традиционно занимали крайне важное место в социальной системе и управлеченческой структуре России на разных этапах её развития, то актуальность и научная значимость рецензируемой диссертации становится очевидной. Региональный аспект, отмеченный автором, лишь усиливает постановку проблемы: Россия как страна регионального своеобразия и сложных прямых и обратных центр-периферийных связей не может быть

полноценна понята без учета региональной специфики, а «взгляд из столицы» как единственно возможный, давно уже показал свою ограниченность.

Сформулированные А. В. Дмитриевым объект, предмет, цель, задачи, территориальные и географические рамки исследования не вызывают принципиальных возражений. Историографический и источниковедческий очерки, содержащиеся во введении, представляются достаточными для формирования у читателя представлений о степени и глубине историографической проработки темы и о том круге источников, которые послужили основой диссертации, о их составе, информационном и эвристическом потенциале. Лишь знакомство с авторской систематизацией использованных источников побуждает к небольшому возражению. Я не стал бы относить к группе «специальной разновидности документации, используемой только в рамках делопроизводства военного ведомства» (с. 35–36) судебно-следственные дела (с. 42–43). Последние представляют собой специфические делопроизводственные комплексы, состоящие из документов разной видовой принадлежности (как с точки зрения документоведения, так с точки зрения источниковедения) и их характеристика не зависит от субъекта подсудности или отраженных в них составах преступлений. Они вполне могут быть представлены в качестве самостоятельной источниковой группы.

На большие размышления наводит теоретическая часть введения, посвященная обоснованию методологии и методов. «Методологической основой исследования является теория модернизации» – декларирует автор (с. 46). Я не исключаю, что А. В. Дмитриев в самом деле является осознанным и последовательным сторонником модернизационной парадигмы и в этом нет ничего предосудительного. Но эта фраза приобрела в отечественных диссертациях последних десятилетий такой же ритуальный характер, как её предшественница, «марксистско-ленинская теория познания», верно служившая методологической основой всех диссертаций в советскую эпоху, и поэтому сама по себе ровным счетом ничего не означает. Ведь, как

справедливо заметил А. Б. Каменский в одной из своих недавних статей, «с самим понятием “модернизация” произошло то же, что и со многими другими операционными понятиями: оно стало многозначным и фактически утратило первоначальный смысл» (Каменский А. Б. К проблеме «вековой русской отсталости» // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 196). Поэтому, если диссидентанту было принципиально важно отстаивать теорию модернизации (хотя я бы говорил о различных вариациях, или моделях теории модернизации) в качестве методологической основы своего исследования, то было бы корректно не ограничиться одной краткой декларацией, а дать более развернутую характеристику, показать преимущества этой теоретической модели перед иными. Впрочем, для диссертации, в центре которой – исследование социальной системы (регулярная армия), рассмотренной в контексте более крупных социальных систем (регионального сибирского сообщества, социальных институтов Российской империи) в динамике почти векового развития, роль методологической основы вполне могли бы сыграть как разнообразные социологические теории, наиболее приемлемые для исторических штудий («фигуративная социология» Норберта Элиаса, теория структурации Энтони Гидденса, теория «интеракционных ритуалов» Рэндолла Коллинза и т.п.) или какие-либо теории из арсенала политической антропологии (например, неоэволюционистские, в духе последователей Джулиана Стюарта: теория многолинейной эволюции способна, как представляется, более гибко объяснить многообразие конкретно-исторических процессов, чем модернизационные схемы). Вкупе с заявленными и вполне уместными институциональным и регионально-управленческим подходами, принципами «новой социальной истории», частными методиками они смотрелись бы, на мой взгляд, убедительнее и продуктивнее.

В первой главе («Контингенты регулярной армии в Сибири») А. В. Дмитриев дает развернутую и детальную панораму создания и наращивания

регулярных воинских контингентов к востоку от Урала, скрупулезно реконструирует сложную историю дислокации, передислокации и переименований воинских частей и подразделений, вносит уточнения в данные, имеющиеся в трудах предшественников. По сути, в первой главе представлена стратегия военного строительства в Сибири в XVIII в., мотивации центральных и местных властей при принятии решений, связанных с её реализацией. Автор показывает различия, характеризовавшие количественные и качественные параметры организации гарнизонных и полевых частей, анализирует причины успехов и неудач в деле развертывания регулярной армии в регионе и, что очень важно, периодически оценивает состояние военного строительства в сибирских провинциях в сравнении с общероссийской ситуацией. Прекрасное владение материалом позволяет диссертанту сделать несколько важных выводов, значение которых выходит за рамки регионального формата. Так, например, объясняя причины трудностей, связанных с комплектованием войск личным и офицерским составом, А. В. Дмитриев, наряду с локальными или ситуативными проблемами (отдаленность региона от центра и связанные с этим логистические трудности, недостаток местных людских ресурсов, нежелание офицеров из европейской части страны служить в суровых и оторванных от «цивилизации» краях, отвлечение сибирских армейских контингентов на театры военных действий за пределами региона – например, на русско-турецкую войну 1768–1774 гг. и т.п.) выделяет проблемы системные, имевшие «вневременной» характер. В частности, к таковым он относит плохую осведомленность центра о состоянии людских и материальных ресурсов, связанные с этим переоценку возможностей, завышенные ожидания и требования имперских властей. Эта мысль проходит рефреном через всю работу и безусловно может быть признана отражающей неизменную черту всех правительственные действий в XVIII в. не только в сфере военного строительства и не только в Сибири. Другим масштабным выводом следует признать заключение автора о функциональной особенности сибирских

армейских частей: они глубоко интегрированы в местную жизнь, становясь уже к началу екатерининского царствования «главной силой, используемой как для охраны границ, так и для поддержания порядка на территории Сибири» (с. 109). Вместе с тем глава не лишена некоторых противоречий. То автор заключает, что лишь со второй половины 1740-х гг. правительство начинает менять отношение к развитию регулярных контингентов в крае, не усматривая до того необходимости в «специальном внимании» к ним (с. 78). То, буквально на следующей странице, как бы опровергая сказанное, отмечает, что и к 1750-м гг. «правительство так и не выработало сколько-нибудь внятной политической линии, реагируя лишь на сиюминутные проблемы или на инициативы местной администрации» (с. 79). Но и то, и другое обобщения убедительно опровергаются самим материалом главы. Со всеми оговорками, но мы видим, благодаря превосходной работе А. В. Дмитриева, что численность регулярного контингента растет: около 9 тыс. чел. в первой половине 1760-х гг. (с. 109), около 13,5 тыс. чел. к середине 1780-х гг. (с. 125), 17–18 тыс. чел. к концу 1790-х гг. (там же). Рост численности влечет за собой качественные изменения: в 1763 г. формируется региональная военная структура – Сибирский корпус; его внутренняя структура была унифицирована и полностью соответствовала дивизионно-корпусной организации русской армии в целом (с. 122). Единственным отличием корпуса от аналогов, расквартированных в европейской части, было преобладание батальонного деления над полковым (с. 127), что обусловливалось особенностями местной службы. Мне представляется, что два этих обстоятельства: понимание необходимости наращивания военного присутствия и создание специальной унифицированной управлеченческой структуры сибирского контингента, свидетельствуют, все-таки, в пользу наличия у властей некоей стратегической линии действий. Другое дело, какими усилиями и издержками достигались эти среднесрочные и долгосрочные успехи. Этим вопросам посвящены следующие главы диссертации.

Насыщенная персоналиями, богатая по содержанию и аналитически глубокая вторая глава, повествующая о кадровом составе, представляет читателю исчерпывающую картину социальных характеристик рядовых, сержантов и офицеров гарнизонных и полевых сибирских частей. Из неё можно узнать, что комплектация гарнизонных частей личным составом в целом происходила удовлетворительно за счет местных кадров. Из местных жителей, в основном, состояла обер-офицерская часть гарнизонных команд, в то время как среди штаб-офицеров даже в гарнизонах преобладали выходцы из центральных провинций страны; количественно заметны в их среде офицеры-иноземцы (и уроженцы остзейских провинций империи, и бывшие подданные различных стран Западной и Центральной Европы). Картина меняется к середине века, когда среди всех категорий гарнизонного офицерства наблюдается превалирование переведенных из центра (с. 155). К середине 1780-х гг. в этой категории военнослужащих резко падает доля дворян при возрастании числа офицерских детей (с. 159–160), наблюдается заметный отток иноземцев (с. 162). Автор объясняет эти процессы окончательным падением привлекательности гарнизонной службы и подводит итог: к концу века офицерский гарнизонный состав Сибири становится, в основном, не местным, не дворянским, возрастным, бедным и практически бесперспективным с точки зрения карьерной динамики (с. 165). Несколько иную картину дает анализ количественных и качественных характеристик полевых частей. Поскольку, как правило, их ядро составляли полки, изначально укомплектованные и дислоцированные на западе страны, то и личный, и офицерский состав в Сибири был пришлым. Существенные качественные изменения претерпел офицерский корпус армейских контингентов после реорганизаций середины 1770-х – середины 1780-х гг. В нем преобладали представители мелкопоместного дворянства; стало заметным число молодых офицеров, переведенных с рядовых и унтер-офицерских должностей в гвардии с повышением чина (начало реальной служебной карьеры); прослеживается формирование офицерских династий.

По наблюдениям автора, в отличие от гарнизонных, офицеры полевых частей Сибирского корпуса по своим боевым и карьерным характеристикам мало отличались от офицеров армейских полков в других регионах России, а их социальная дистанцированность от местного населения гарантировала полную лояльность власти при поддержании внутреннего порядка в регионе (с. 196). Изучение формуллярных списков (главным образом, за 1760-е – 1780-е гг.) позволили докторанту сделать интересные наблюдения о боевых заслугах офицеров, их имущественном обеспечении, уровне грамотности (так, например, мы узнаем, что с 1760-х гг. среди офицеров Сибирского корпуса неграмотных не осталось, с. 204). И хотя со второй половины века чинопроизводство в армии стало в Сибири, как и в России в целом, полем для злоупотреблений (самое характерное из которых – фиктивное зачисление недорослей в солдаты и сержанты с выходом на действительную службу уже в первых офицерских чинах), армия оставалась «стабильно действующим каналом вертикальной социальной мобильности» для представителей податных сословий, численность которых в Сибирском корпусе оставалась высокой до конца века.

Ожидаемо интересными оказались главы 3 и 4 («Материальное обеспечение частей регулярной армии» и «Служебная деятельность и повседневные занятия военнослужащих»). Занимаясь историей статской государственной службы, в том числе вопросами её материального обеспечения, автор этих строк догадывался, что бесчисленные проблемы, связанные с организацией госуправления, имели более широкий характер и касались не только гражданской службы. Но зная, что большая, а временами – львиная доля государственных доходов империи XVIII в. предназначалась для содержания вооруженных сил, я не ожидал, что и в сфере военного снабжения ситуация была столь безотрадной. А. В. Дмитриев рассматривает финансирование частей сибирского контингента в двух срезах: финансирование из центра и силами местных администраций. Картину

дополняет сюжет об организации продовольственного обеспечения войск их собственным командованием. Из текста диссертации можно заключить, что денежное довольствие войск центральными учреждениями велось из рук вон плохо. При этом проблема заключалась не столько в недостатке средств, сколько в неэффективной организации всей системы финансовой службы империи. Отсутствие централизованного бюджета и рассредоточенность сумм по различным ведомствам приводило к общей безответственности, межведомственным препирательствам и мертвящей бюрократической переписке, усугубляемой скверной системой почтовой доставки деловой корреспонденции. Сама идея содержания армии за счет основного прямого налога – подушной подати, оказалась несостоятельной «уже в первые десятилетия послепетровской эпохи» (с. 290), а «механизмы финансирования армейских частей центральными государственными ведомствами зачастую просто не действовали» (с. 246). Гарнизонные части, состоявшие, по заключению автора, до середины столетия включительно, на балансе губернских бюджетов (с. 291), находились в еще более плачевном состоянии, поскольку к неэффективной работе местных учреждений добавлялась еще и скудость этих самых бюджетов. Ситуация не улучшалась и в дальнейшем (т.е. в динамике столетия): «... с течением времени взаимоотношения между сибирской администрацией и центральными ведомствами становились все менее скоординированными», – констатирует А. В. Дмитриев (с. 292). Немудрено, что, располагая ограниченными и нерегулярно поступающими финансами, и зачастую не находя поддержки у местных властей, армейские командиры были вынуждены самостоятельно решать хотя бы вопросы, связанные с провиантским снабжением вверенных частей. В условиях Сибири они сталкивались при этом с завышением закупочных цен на продовольствие со стороны подрядчиков и перекупщиков, трудностями транспортировки припасов, сильными конкурентами в лице горнозаводского ведомства (с. 281–284). Все это довершалось банальным воровством самих командиров и сомнительными тратами на губернском уровне (показательна, в этом

отношении, финансовая активность губернатора Д. И. Чичерина, описанная в диссертации). В общем, картина, предстающая в ходе знакомства с содержанием третьей главы, оказывается столь удручающей, что промежуточные и итоговые выводы автора выглядят неожиданно оптимистичными и противоречащими всему содержанию главы («...поскольку вопросам поддержания боеспособности регулярной армии верховная власть уделяла повышенное внимание... даже в этих условиях удавалось обеспечить надлежащее (?) функционирование системы снабжения войск... хотя и ценой несоразмерных расходов» (с. 271); снабжение провиантом «...осуществлялось... более или менее успешно», а «при возникновении каких-либо экстренных... ситуаций командованием... совместно с губернскими чиновниками изыскивались нужные средства и ресурсы», что свидетельствовало «об известной гибкости военных и гражданских управлеченческих механизмов» (с. 293–294)).

Говоря о служебной деятельности и повседневных занятиях военнослужащих, А. В. Дмитриев сосредоточивает внимание на таких аспектах, как обстоятельствах вступления в службу (речь идет, в первую очередь, об офицерах), исполнении военными различных обязанностей, не связанных с боевыми, отношениях военнослужащих разных категорий друг с другом и с местным населением и т.п. Автор в этой главе продолжает развивать несколько магистральных мыслей, высказанных им ранее. Так, в начале главы (п. 4.1. «Поступление на службу и обязанности военнослужащих») речь снова идет о глубокой вовлеченности военных в жизнь русской провинции. На основе целого ряда реконструированных биографий читателю предоставляется возможность понять, что части регулярной армии выполняли в Сибири и многие другие функции: несли полицейскую службу, выступали в роли сыщиков по выслеживанию и поимке преступников, активно вовлекались в исполнение организационно-управленческих обязанностей, исполняли роль казенных курьеров, в том

числе и по запросам гражданских администраций и т.д. Диссертант отмечает, что такое глубокое внедрение армии в общие дела регионов дислокации было характерной чертой не только сибирской жизни, но и страны в целом. Отдельного внимания исследователя заслужили вопросы, связанные с состоянием воинской дисциплины в гарнизонных и полевых частях сибирского контингента. Тем самым А. В. Дмитриев сумел раскрыть некоторые аспекты повседневной жизни солдат и офицеров и в собственно армейской среде, и в отношениях с гражданским населением. Анализируя материалы судебно-следственных дел, проходивших через кригс-рехты и смешанные суды, автор выявляет наиболее частотные правонарушения: ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, нанесение казенного ущерба, ложные доносы по «слову и делу» (ставшие особенно распространеными со стороны личного состава против офицеров во второй половине века), мелкие уголовные преступления (нанесения телесных повреждений разной степени тяжести, кражи и грабежи, преступления сексуального характера). Это позволяет сделать ряд общих наблюдений, например, о более низком уровне дисциплины в гарнизонных частях региона и о значительном росте правонарушений в гарнизонной офицерской среде к последней трети XVIII в. (с 10% в середине столетия до 32,5% к началу 1770-х гг., с. 336). Примечательно заключение диссертанта о том, что жесткие приговоры кригс-рехтов первой инстанции, выносимые, в основном, в полном соответствии с Артикулом Воинским, значительно смягчались судами вышестоящих инстанций или заменялись на более легкие (с. 352). Автор связывает это с политикой своеобразного «ресурсосбережения», характерного, в общем-то, для всей судебной практики эпохи при рассмотрении судебных дел по отношению к государственным служащим, в том числе и штатским. Подводя итог исследованию уровня дисциплины в сибирских войсках, А. В. Дмитриев констатирует, что в целом большинство рядовых и офицеров регулярных армейских частей, расквартированных в Сибири, несли свою службу добросовестно (с. 353). Наконец, финальный

параграф главы, посвященный непосредственно повседневным занятиям военнослужащих, раскрывает сюжеты, касавшиеся обстоятельств получения ими жалования и казенных средств для выполнения тех или иных служебных поручений, случаев вмешательства офицеров в сферы компетенций гражданских властей, обеспечения солдат и офицеров жильем, пополнения армейских подразделений конским составом. Из всей главы этот параграф оставляет наиболее двойственное впечатление. Конечно, с одной стороны, вопросы, например, организации расселения войск, имеют непосредственное отношение к повседневной жизни. Но автор не повествует о бытовых аспектах «жилищного вопроса», об организации распорядка дня личного состава, расселенного в солдатских слободах, формировании их личного пространства и о всех подобных вещах, которые ожидаются при прочтении словосочетания «повседневные занятия», вынесенного в заглавия главы и параграфа. Нет, речь идет о лишь о строительстве, о вопросах землеотвода (особенно это касается обустройства офицеров, в частности – командиров частей). Не уместнее было бы отнести таким образом раскрытие вопросы к главе о материальном обеспечении и снабжении войск? Особенно справедливо это, на мой взгляд, по отношению к довольно обширному фрагменту о закупках лошадей: все-таки ремонтерство – это в чистом виде проблема материального обеспечения войск, тем более, что и в этом случае автор повествует именно о закупках лошадей, а не о ситуациях, возникавших во время этих мероприятий с офицерами-ремонтерами, которые можно было бы квалифицировать как случаи из повседневной жизни последних.

Тем не менее, общий замысел, структура, содержание и итоговые выводы диссертации, её прочная источниковая база, продемонстрированный автором высокий профессиональный уровень, оставляют очень хорошее впечатление. Высказанные по ходу отзыва замечания носят очевидный дискуссионный характер и несомненно будут разъяснены в процессе публичной защиты. Диссертация А. В. Дмитриева является самостоятельным

завершенным трудом, посвященным решению крупной научной проблемы и вносящим заметный вклад в отечественную историческую науку. Материалы, представленные в диссертации, безусловно значимы для нашего понимания не только конкретных аспектов региональной истории или истории военного строительства в Сибири, но и многих ключевых вопросов российской истории Нового времени, связанных с проблемами организации государственного управления, социальной стратификации, финансов, военной политики периода ранней империи. Основное содержание диссертации отражено в 44 публикациях, включая монографию и 18 статей, опубликованных в Перечне ВАК, и в автореферате, чье содержание соответствует тексту диссертационного исследования. Диссертация А. В. Дмитриева, таким образом, отвечает требованиям, предъявляемым пп. 9 и 10 действующего Положения о присуждении ученых степеней по специальности 07.00.02 – Отечественная история, а её автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент,

главный научный сотрудник

Федерального бюджетного государственного

учреждения науки Институт истории и археологии

Уральского отделения

Российской академии наук

Дмитрий Алексеевич Редин

Рабочий адрес: 620990, г. Екатеринбург,

ул. Софьи Ковалевской, 16.

Тел.: (343) 374-53-40

E-mail: volot@mail.ru

Дмитрий Алексеевич Редин
Зав. обделением облеми
А. С. Степанов